

Александр Гаврилин

Латвийская Православная Церковь в 30-х годах XX века

30-е годы были переломными в истории Латвийской Республики. 15 мая 1934 года был совершен государственный переворот, в результате которого в стране был установлен авторитарный режим Карлиса Ульманиса. В политической жизни Латвии появился новый термин – «вождь народа», который действовал по воле латышского народа и от его лица. Этот период закончился 17 июня 1940 года, когда территория Латвии была оккупирована Красной армией. В августе 1940-го года Латвия потеряла государственную независимость и была инкорпорирована в состав СССР.

30-е годы - это период радикальных изменений и в положении Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ):

- в ночь с 11 на 12 октября 1934 года был злодейски убит архиепископ Иоанн (Поммерс);
- 4 февраля 1936 года Патриарх Константинопольский Вениамин даровал ЛПЦ (Митрополии) автономию;
- 10 марта 1936 года главой ЛПЦ в юрисдикции Константинопольского Патриархата был избран Августин (Петерсонс);
- 28 марта 1941 года митрополит Августин принес покаяние в грехе раскола, и тем самым произошло воссоединение ЛПЦ с Московским Патриархатом.

Светлейший Патриарх Московский и Всея Руси Тихон (Беллавин) своим актом № 1026 от 19 июля 1921 года даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских. Правительственные круги и радикально настроенные политические силы Латвии рассматривали сохранение канонической связи ЛПЦ с Московским Патриархатом как зависимость ЛПЦ от «руки Москвы». Они неоднократно советовали руководству ЛПЦ последовать примеру Эстонской Православной Церкви, которая, в нарушение церковных канонов, в 1923 году перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриарха-

та. Несмотря на это, архиепископу Иоанну (Поммерсу), главе ЛПЦ в 1921-1934 годах¹, удалось не только отстоять право существования ЛПЦ в условиях независимого Латвийского государства (при условии сохранения канонических уз Церкви с Московским Патриархатом), но и добиться при помощи неоднократных обращений к латвийскому правительству утверждения 8 октября 1926 года Кабинетом министров «Правил о положении Православной Церкви». В соответствии с этими «Правилами» ЛПЦ были даны, наконец, права юридического лица.²

В 30-х годах 20 века в Латвии было 152 православных прихода: 76 русских, 74 латышских, один немецкий и один эстонский. Вторую половину 20-х годов – первую половину 30-х годов можно назвать временем стабилизации духовного и материального положения ЛПЦ. В этот период ЛПЦ развертывает широкие строительные и ремонтные работы, в результате которых к середине 30-х годов каждый седьмой православный храм Латвии был новоосвященным. Благодаря тому, что архиепископ Иоанн в 1925 году был избран депутатом II Сейма, а потом последовательно выбирался депутатом III и VI Сеймов, голос в защиту ЛПЦ постоянно звучал с высшей законодательной трибуны страны. Архиепископ Иоанн никогда не делил православных по национальному признаку. Будучи сам по национальности латышом, в парламенте, как правило, он выступал в защиту интересов национальных меньшинств и, прежде всего, в защиту русского православного населения Латвии.

Нажим органов государственной власти на Синод ЛПЦ резко усилился после установления в Латвии режима Карлиса Ульманиса и особенно после кончины архиепископа Иоанна. Цель – заставить церковное руководство освободиться от «власти Москвы», то есть прервать каноническую связь с Московским Патриархатом. Смену своего курса по отношению к ЛПЦ Кабинет министров К. Ульманиса открыто продемонстрировал сразу же после кончины Владыки Иоанна. А именно -

¹ 24 сентября 2001 года Собор ЛПЦ канонизировал сщмч. архиепископа Иоанна (Поммерса). Очень точную характеристику личности арх. Иоанна дал в своем письме к нему митрополит Евлогий (Георгиевский). В марте 1922 года митр. Евлогий писал арх. Иоанну: «Пред Вашей испытанной и исключительной энергией умолкают все протесты». - Латвийский Государственный Исторический Архив (далее – ЛГИА), ф.7131, оп.1, д.26, л.71.

² Valdības vestnesis. 1926. №228.

запретил Синоду «из санитарных соображений» выполнить последнюю волю усопшего – похоронить его в Рижском Христорожественском кафедральном соборе. В свое время архиепископ Иоанн, защищая собор от закрытия, выбрал его подвал в качестве своей резиденции.³

Впервые вопрос о преемнике архиепископа Иоанна был поднят на пленарном заседании Синода 26 ноября 1934 года. С докладом по этому вопросу выступил ректор Рижской Духовной семинарии протоиерей Иоанн Янсонс. Он отметил, что у ЛПЦ есть только три пути, «идя по которым можно выбрать канонического епископа». Первый путь – обратиться к Русской Православной Церкви, то есть, к Московскому Патриархату; второй – обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху; третий – к Сербской Православной Церкви. В своем докладе о. Иоанн Янсонс подчеркнул, что глава Церкви должен быть избран каноническим путем, поэтому самым правильным выбором для ЛПЦ является обращение к Московской Патриархии. При этом докладчик сослался на мнение покойного архиепископа Иоанна.⁴ На этом же заседании группа латышских священников предложила обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху. Примечательно, что одним из основных аргументов этой группы были доводы о том, что в противном случае государство впредь не будет предоставлять «непослушной» Церкви денежных пособий.⁵

Однако вскоре оказалось, что Синод ЛПЦ в условиях режима Карлиса Ульманиса не вправе самостоятельно решать вопрос о будущем Церкви. Весной 1935 года в решение вопроса о будущем главе ЛПЦ попытался вмешаться Московский Патриархат. Распоряжением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) временное управление ЛПЦ было возложено на митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского). Однако Министерство иностранных дел Латвии отказало Елевферию во въезде в страну, а Министерство внутренних дел «рекомендовало» Синоду ЛПЦ не признавать канонических прав Елевферия и запретить священнослужителям из Литвы любую деятельность в Латвии. Инте-

³ Журнал «Вера и жизнь». 1934. №12, с.185.

⁴ ЛГИА, ф.7469, оп. 1, д. 74, л. 80.

⁵ Ред. статья «Синод обсуждал вопрос о выборах нового главы Латвийской Православной Церкви» // Газета «Сегодня». 1934. № 328.

ресно отметить, что протоиерей Иоанн Янсонс сообщил Елевферию, что эти действия Синода вызваны «тенденциями государства».⁶

Полтора года Министерство внутренних дел Латвийской Республики не давало своего согласия на созыв Собора Церкви, понимая, что Собор проголосует за сохранение прежнего статуса ЛПЦ. За это время по указанию МВД практически полностью был обновлен состав Синода: из него вывели сторонников архиепископа Иоанна (Поммерса) и заменили их «государственно мыслящими» священниками и мирянами. В нарушение канонов новый состав Синода ЛПЦ в августе 1935 года обратился к Константинопольскому Патриарху Фотию с просьбой посвятить главу Латвийской Церкви. 11 ноября 1935 года Синод ЛПЦ составил прошение Фотию о даровании ЛПЦ автономии по образцу Эстонской Православной Церкви. Однако внезапная кончина Фотия замедлила ход событий, осуществляемых по сценарию, разработанному МВД Латвийской Республики. Только 4 февраля 1936 года новоизбранный Константинопольский Патриарх Вениамин назначил экзарха в Западной и Восточной Европе митрополита Германа своим представителем на Соборе ЛПЦ и даровал Латвийской Православной Церкви (Митрополии) автономию.

Сторонники покойного Владыки Иоанна попытались выдвинуть свою кандидатуру нового главы Церкви – протоиерея Иоанна Янсонса, пользовавшегося уважением большинства духовенства. Эту кандидатуру поддерживало и большинство Синода. МВД отменило решение Синода о выдвижении кандидатуры о. Иоанна Янсонса, а накануне выборов главы Церкви по распоряжению МВД был изменен Устав ЛПЦ. Впредь все важные вопросы церковной жизни – выборы епископов, учреждение новых епархий, викарных округов и другие – должны были решаться только с согласия органов государственной власти.⁷ Наконец, в результате выборов, проведенных 10 марта 1936 года на Вселатвийском Церковном Соборе, новой главой Церкви был избран настоятель Даугавпилсской гарнизонной церкви протоиерей Августин (Петерсонс). Его основными заслугами признавались не его авторитет в церковных кругах (о. Августин служил в Латгалии (в Восточной Латвии) и большинству духовенства был просто незнаком), а его «домовитость», качества проповедника, вдовство и «его

⁶ ЛГИА, ф. 3235, оп.1/22, д. 688, л. 271; ф.1370, оп.1, д. 2347, л. 137; д. 2758, л.1-17; д. 2759, л. 47.

⁷ ЛГИА, ф. 7496, оп. 1, д. 338, л. 8-9.

давние связи с военными кругами».⁸ 29 марта 1936 года митрополит Герман хиротонисал Августина в качестве митрополита Латвийского. Так правительство добилось избрания главой Церкви «удобного» для себя кандидата.

Для упрочения автономного статуса ЛПЦ было принято решение образовать два викариатства – Елгавское и Ерсикское. Инициатива образования викариатств также исходила от латвийского правительства, которое предложило за государственный счет оборудовать кафедры викарных епископов и выплачивать им жалованье. Следует отметить, что Уставом ЛПЦ 1936 года не были определены ни полномочия викарных епископов, ни границы планируемых викарных округов. В 1936 году правительство выделило средства на содержание викарного епископа Елгавского. 27 сентября 1936 года в епископа Елгавского был хиротонисан Иаков (Карпс). В 1938 году государство отпустило средства и на вторую викарную кафедру. 17 июля 1938 года в епископа Ерсикского (в 1939 году этот титул был изменен на Мадонский) был хиротонисан Александр (Витолс).⁹

На Вселатвийском Церковном Соборе, созванном в июле 1936 года, переизбрали Синод ЛПЦ, а также утвердили изменения в Уставе. Ликвидировалось приходское самоуправление и впредь причт прихода назначался, перемещался или увольнялся только главой Церкви и Синодом, Синод же определял размер жалованья настоятеля (по старому Уставу эти права были у общего собрания прихожан). Настоятель автоматически являлся и председателем приходского Совета. На этом Соборе часть депутатов высказала недовольство тем, что митрополит Августин пресекал все попытки развернуть дискуссию по вносимым в Устав изменениям и требовал от депутатов формально голосовать за подготовленные заранее постановления.¹⁰

Уже в первом своем обращении к пастве митрополит Августин провозгласил о «слиянии целей» Православной Церкви и Латвийского государства, призвал православных Латвии всеми силами осуществлять на практике заветы «нашего Вождя – Карлиса Ульманиса ...

⁸ А. Формаков. «Протоиерей Августин Петерсон. Из воспоминаний и личных встреч» // «Сегодня». 1936. № 71.

⁹ Там же, ф. 3235, оп.1/22, д. 688, л. 158.

¹⁰ Послание главы Латвийской Православной Церкви митрополита Августина к православному населению Латвии // «Сегодня». № 132.

быть всем и всегда в единении».¹¹ Глава ЛПЦ, так же, как и правительство Ульманиса, считал, что основой «единения» населения Латвии должен стать латышский язык. По распоряжению митрополита, в октябре 1936 года преподавание в Православном Богословском институте (единственном учебном заведении Латвии, которое готовило православных священников) перешло на латышский язык, а преподаватели, не знавшие латышского языка, были уволены.¹²

Августин настоятельно требовал переводить богослужение во всех храмах Латвии на латышский язык, а при храмах, у которых были только русские приходы, открывать и латышские. Заметим, что в середине 30-х годов в Латвии проживало 174 389 православных, из которых латыши составляли 57 600 человек, русские – 103 438, белорусы – 8 520, эстонцы – 1 130, немцы – 587 человек и 3 105 человек – представители других национальностей (украинцы, поляки, литовцы и другие). Из 124 священнослужителей Латвии 79 были русскими, 45 – латышами.¹³ В большинстве приходов служба проводилась на церковнославянском языке. Конечно, нововведения митрополита вызвали резкое недовольство как прихожан, так и духовенства, особенно в латгальских приходах, где большинство просто не понимало латышского языка. Попытки же открыть при русских и латышские приходы были расценены верующими, как то, что «у русских хотят отнять храмы». Уже осенью 1936 года в рижских храмах прошли шумные собрания прихожан, на которых верующие высказывали недовольство политикой митрополита.¹⁴

«Языковая реформа» митрополита Августина потерпела полный крах. Даже то сельское духовенство, которое владело латышским языком, понимало, что такими мерами можно оттолкнуть большинство прихожан от храмов, и продолжало совершать службу на церковнославянском языке. Столичное духовенство, находившееся под контролем церковного руководства, только в редких случаях совершало литургию на латышском языке, оправдывая себя или слабым знанием языка, или тем, что прихожане практически не посещают «латышские» службы.

¹¹ Послание главы Латвийской Православной Церкви митрополита Августина к православному населению Латвии // «Сегодня». № 132.

¹² ЛГИА, ф. 3235, оп.1/22, д. 688, л. 276.

¹³ Там же, ф.1370, оп.1, д.2343, л.1-10.

¹⁴ Там же, ф.3235, оп. 1/22, д.688, л.278.

Еще одной акцией митрополита, вызвавшей повсеместный протест прихожан, была попытка перевода ЛПЦ на новый календарь. Об этом было объявлено в декабре 1936 года. Согласно распоряжению митрополита, старый календарь впредь сохранялся только в тех приходах, где более двух третей прихожан решили его оставить. Однако и в этих приходах предполагалось в дальнейшем ввести новый календарь («практическая жизнь требует ... согласования церковного календаря с календарем гражданским»)¹⁵ Против этого нововведения верующие в основном протестовали «ногами», то есть не посещали храмы в праздники по новому стилю. Поэтому уже в декабре 1936 года представители латгальского духовенства попросили митрополита пересмотреть свое решение о переходе Церкви на новый календарь. Глава ЛПЦ не хотел уступать требованиям духовенства, однако акции недовольства продолжались, поэтому Августин попытался снять с себя ответственность за принятие такого непопулярного среди православных решения. В конце декабря митрополит заявил, что он не может отменить постановление Синода о переходе на новый календарь, однако «если на местах невозможно провести это решение в жизнь», то он «со своей стороны не будет возражать против отмечания праздников по старому и по новому стилю».¹⁶ В 1937 году единого порядка следования одному или другому календарю не было, каждый настоятель сам решал, подстраиваясь под прихожан, какому календарю следовать. Однако уже в 1938 году в большинстве храмов служба проводилась только по старому календарю, новый же календарь прижился только в некоторых малочисленных сельских приходах.

Авторитарные методы управления митрополита Августина, его стремления реформировать Церковь в соответствии с государственной идеологией настроили против главы Церкви многих православных Латвии. В 1939 году предполагалось созвать очередной Церковный Собор. Однако Августин, почувствовав непрочность своих позиций, на заседании Синода 20 апреля 1939 года предложил отложить созыв Собора и продлить срок полномочий нынешнего Синода. Синод в очередной раз согласился с мнением митрополита и изменил статью Устава ЛПЦ о периодичности созыва Собора с трех на пять лет, а свои полномочия продлил еще на два года. Такие действия Синода были

¹⁵ Jaunais stils// “Ticība un dzīve”. 1936.№9.

¹⁶ ЛГИА, ф.3235, оп.1/22, д.688, л.243.

прямым нарушением Устава ЛПЦ 1936 года, согласно которому все изменения в Устав мог вносить только Церковный Собор.¹⁷

С падением летом 1940-го года режима Карлиса Ульманиса полностью упал и авторитет митрополита Августина. Наиболее ярко это проявилось на апрельском (1941 г.) Соборе ЛПЦ, когда никто из депутатов Собора не выступил в защиту опального митрополита. Еще более очевидным это стало в годы немецко-фашистской оккупации территории Латвии, когда Августин (20 июля 1941 года) вновь объявил себя главой ЛПЦ в юрисдикции Константинопольской Патриархии. Его поддержала только небольшая группа латышских священников, представлявших пять малочисленных сельских приходов. Православные Латвии остались верными Московскому Патриархату, экзарху Прибалтики, митрополиту Вильнюсскому и Литовскому Сергию (Воскресенскому). 15 июля 1942 года Собор епископов экзархата запретил Августина (Петерсонса) в священнослужении.¹⁸

Если период управления ЛПЦ архиепископом Иоанном (Поммерсом) – это яркий пример деятельности независимого от государственной власти церковного руководства, которое опиралось на свою паству, на принцип соборности, строго следовало церковным канонам, поэтому чувствовало себя сильным; то время управления ЛПЦ митрополитом Августином (Петерсонсом) – пример попытки следования церковным руководством установкам государственной власти без учета, а иногда даже вопреки церковным канонам и интересам своей паствы, попытки подменить принцип соборности абсолютной властью архиерея, опирающейся на правящий государственный режим. И пример митрополита Августина наглядно показывает насколько непрочна власть такого церковного управления.

¹⁷ Там же, ф.7469, оп.1, д.105, л.33; ф.370, оп.1, д.2347, л.63, 66.

¹⁸ Осенью 1944 года митрополит Августин (Петерсонс) эмигрировал в Германию, где остановился в семье своего сына в Felbach (около Штуттгарта). В 1947 году он провозгласил о создании Латвийской Православной Церкви в изгнании (в юрисдикции Константинопольского Патриархата), но после переезда в Германию митрополит почти непрерывно болел, поэтому практически не занимался церковной деятельностью. Августин (Петерсонс) скончался 5 октября 1955 года в санатории в Гаунтинген (около Мюнхена).